

УДК 81:39(=161)(367)

Названия обрядового хлеба как мотивирующая основа терминов восточнославянской свадьбы (ареальный аспект)

Т. Е. Гревцова

В статье рассматривается комплекс культурных терминов, обозначающих обряды и ритуальные акты восточнославянской свадьбы, мотивированных названиями свадебной выпечки. Составленные этнолингвистические карты, посвященные названиям обрядов и обрядовых действий свадебного застолья и послесвадебья, позволили сделать выводы о территориальном распространении наименований, образованных от названий изделий из теста.

Ключевые слова: восточнославянская свадьба; обряд; обрядовое действие; обрядовый хлеб; культурный термин.

В славянской традиции хлеб осмысляется как Божий дар, как живое существо и даже как образ самого божества. Он символизирует отношения обмена между людьми и богом, между живыми и умершими. Архаический характер имеет представление о том, что вместе с куском хлеба человек получает и свою долю [8, с. 385]. Результатом такого осмысления являются ритуальные действия с хлебом, которые входят в состав многих славянских обрядов, в особенности обрядов, связанных с приобретением человеком нового статуса, «новой доли». Такие действия с хлебом совершаются в рамках ритуалов перехода, важнейшие из которых связаны с рождением, браком и смертью.

Комплекс терминов свадебного обряда, так или иначе связанных с обрядовым хлебом, охватывает не только названия видов выпечки (*каравай, калач, шишки* и др.), но и производные от них наименования: обозначения обрядовых действий (*йти на шишки* [16], *положить на каравай* [10, т. 29, с.101] и т. д.), ритуальных комплексов (*колячи* [6, с. 343], *каравайный обед* [10, т. 13, с. 67], *молодухин пирог* [10, т. 27, с. 39] и т. д.), участников свадьбы (*каравайщицы* [4, с. 209], *пирожница* [10, т. 27, с. 42] и т. д.), элементов предметного кода (*каравайное* [4, с. 209], *подарок на блины* [10, т. 27, с. 331], *блинный стакан* [10, т. 41, с. 34]), а также метаязык свадебного фольклора (*каравайные песни* [10, т. 13, с. 67]).

Использование названий обрядовой выпечки в качестве производящих основ для обозначений эпизодов свадьбы связано, по-видимому, не только с широким использованием хлеба в ритуале, но и с тем, что сами изделия из теста воплощают основные символические смыслы свадьбы. Культурная семантика универсальна для различных форм выпечки и их названий, она присутствует на разных этапах свадебного обряда у восточных славян.

Рассмотрим группы наименований обрядов и обрядовых действий, имеющих «хлебную» мотивацию.

1. Простые наименования образуются путем метонимического переноса: у культурного термина, обозначающего обрядовый хлеб, с которым совершаются ритуальные действия на определенном этапе свадьбы, появляется новое значение. Например, названия *блины* [13, т. 1. с. 63], *пирожки* [10, т. 27, с. 43] используются в качестве обозначений различных обрядов послесвадебья, а словом *каравай* может обозначаться девичник [10, т. 13, с. 66]. В некоторых регионах слово *каравай* (*караваи* во мн. ч.) приобретает значение ‘свадьба свадебный обряд’ [10, т. 13, с. 66], что, несомненно, свидетельствует о том, что в сознании носителей традиции каравай является важней-

шим атрибутом свадебного обряда, а ритуальные действия с ним, обычно приуроченные к главному свадебному застолью, — его кульминацией.

Кроме того, можно встретить аффиксальные производные от названий изделий из теста: *блинить* ‘подносить подарки жениху вместе с угощением блинами’ [1, т. 2, с. 34], *спирожки* ‘застолье у невесты’ [10, т. 40, с. 146].

2. Составные наименования образуются несколькими способами.

2.1. Образование словосочетаний, в которых название хлеба — главное слово: *стряпкин пирог* ‘благодарениестряпухи’ [10, т. 27, с. 40], *разъезжи пироги* ‘последний день свадьбы’ [7, с. 113].

2.2. Образование словосочетаний, в которых название хлеба — зависимое слово.

2.2.1. Словосочетания с типом связи согласование, в которых образованное от названия выпечки прилагательное соединяется с лексемой со значением времени суток или приема пищи: *пирожный день* ‘второй день свадьбы’ [10, т. 27, с. 42], *коврижный стол* ‘угощение в доме невесты перед венчанием’ [10, т. 14, с. 33].

2.2.2. Словосочетание с типом связи управление, в которых глагол или отглагольное существительное, обозначающее обрядовое действие, управляет существительным — названием обрядовой выпечки — в косвенном падеже: *расшивать банник* ‘в свадебном обряде — развязывать узел (на второй день свадьбы) с хлебом, тарелкой, салфеткой, двумя чашками и ложками, скрытно уложенными в доме невесты, и унизанный булавками, которые раздавались гостям’ [10, т. 34, с. 327], *кидать на каравай* ‘дарить на обряде “каравая” молодым — деньги, корову, телушку и т. д.’ [4, с. 209], *коровай бгати* ‘виготовляти коровай’ [16].

Следует отметить, что свадебный обряд представляет собой сложно организованный комплекс ритуальных актов, которые объединяются

в «цельные в смысловом отношении ритуальные группы и комплексы (обряды и церемонии), значение которых складывается из отдельных входящих в них ритуальных единиц» [6, с. 63]. Один из главных сюжетов связан с делением свадебного хлеба, часто приуроченным к одариванию молодых, а обряды послесвадебья направлены на возвращение молодых в общество в новом социальном статусе. Именно поэтому в состав свадебной терминологии входит большая группа наименований, мотивированных названиями выпечки.

Наименования ритуала одаривания новобрачных, имеющие «хлебную» мотивацию, являются наиболее «унифицированными» на большей части восточнославянской территории (рис. 1).

Это следствие того, что само обрядовое действие единообразно в большинстве регионов (часто оно обозначается глаголами *положить, бросать, кидать*). Также это можно объяснить тем, что на большей части восточнославянской территории главным свадебным хлебом выступает каравай, разделение и раздача которого связаны с получением новобрачными новой доли. Однако на Русском Севере такой хлеб может иметь другую форму и обозначаться терминами *рыбник, курник, кулебяка, пряник, кроёное* и др. [6, с. 243].

Следует отдельно сказать о термине *банник* (*байник, баенник, банщик*). Он зафиксирован только в Архангельской области и имеет несколько значений: 1) узел, в который перед свадьбой зашиваются хлеб, икона, жареная птица, столовые приборы, солонка и солью и другие предметы (он расшивается после бани молодых на второй день свадьбы); 2) хлеб, который кладут в этот узел; 3) скатерть или платок, в которые помещаются данные предметы; 4) поднос, на который кладут подарки молодым во время раздачи хлеба-банника. Последнее значение появилось в результате того, что *банник* на данной территории мог выступать в роли главного свадебного хлеба. Обозначение обрядового действия с ним аналогично обозначениям подобных действий с кара-

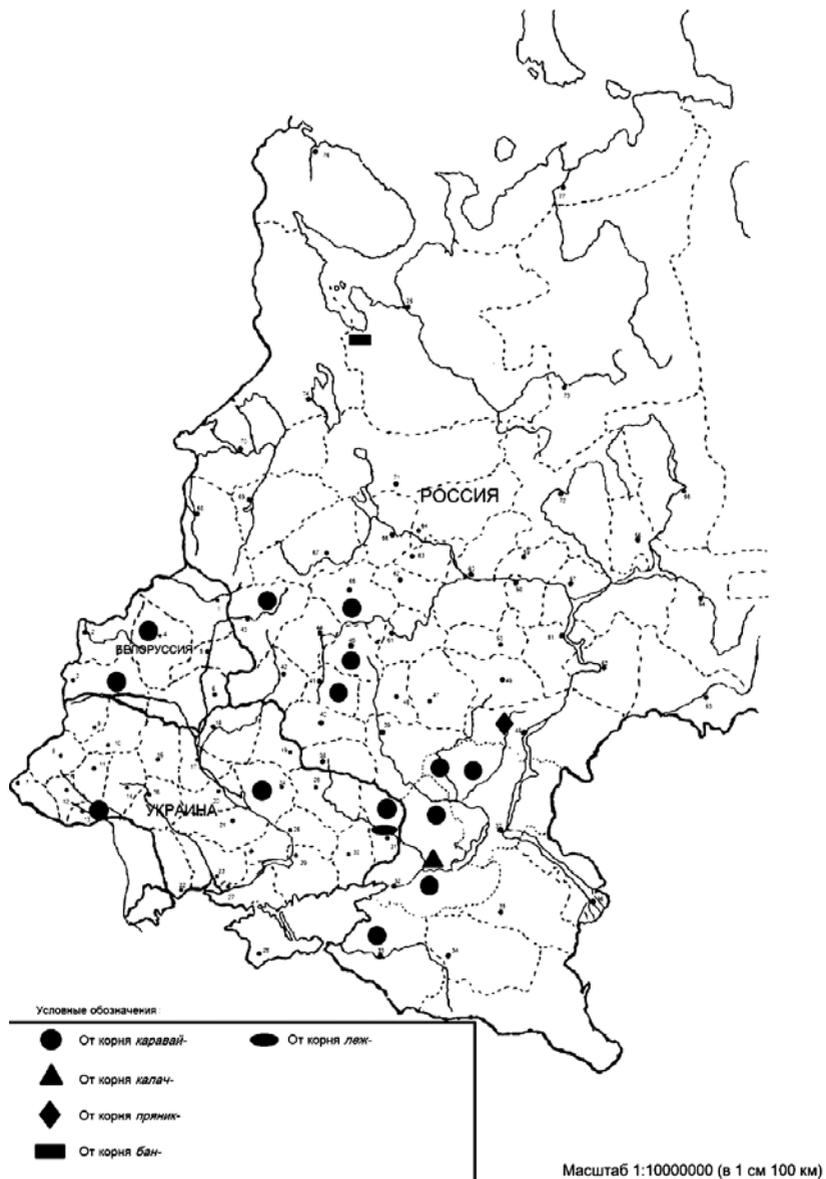

Рис. 1. Карта «Наименования обрядов и обрядовых действий свадебного застолья, мотивированные названиями выпечки»

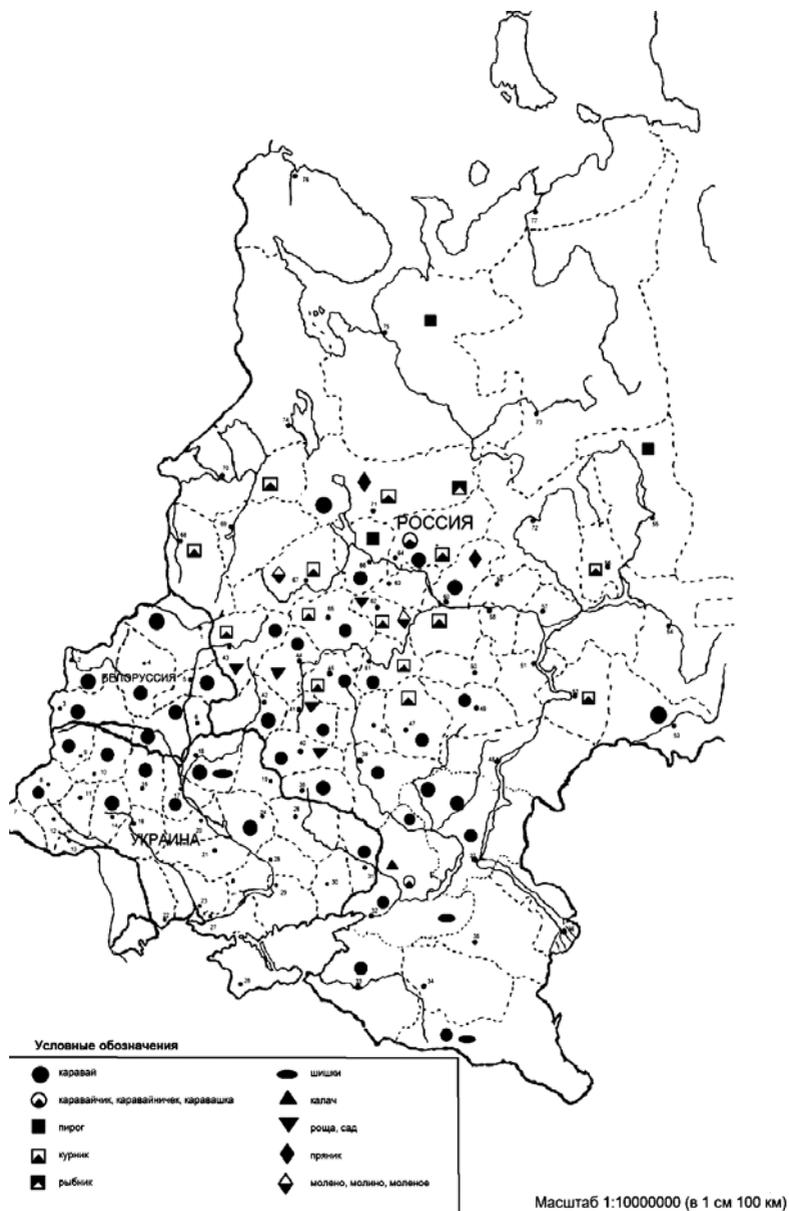

Рис. 2 Карта «Наименования форм хлеба свадебного застолья»

ваем (*класть на банник, положить на байник*) [1, т. 1, с. 89, 95; 10, т. 29, с. 252].

Заложенный во внутренней форме слова мотивационный признак требует пояснений. Посещение бани новобрачными, символизирующее переход молодых в новый статус, известно во многих регионах России. Однако воплощение этой символики в образе хлеба, а именно наложение символически осмысляемого обрядового действия, совершаемого в бане, имеющего семантику перехода, на обрядовые действия с хлебом, отмечено только в Архангельской области. Можно предположить, что произошла контаминация посещения бани молодыми и совместного поедания ими выпечки, распространенного на других территориях. Не стоит забывать и о том, что баня как локус, где обитают демонические существа, является местом контакта с миром умерших, и ее посещение связано с ритуальным переходом, а свадебный обряд по своей сути также является переходным обрядом [9, т. 1, с. 138].

Обозначения обрядов послесвадебья, мотивированные названиями выпечки, достаточно разнообразны. Отчасти это результат того, что сам комплекс ритуальных действий этого этапа неоднороден. Основные обрядовые мотивы этого периода — проверка «честности» невесты, благодарение женихом ее родителей или их наказание, посещение новобрачными родителей невесты, прием гостей у себя, проверка хозяйственных способностей молодой. Наиболее распространенными являются наименования обрядов, мотивированные терминами *пирог* и *блины*.

Блины как обрядовое блюдо известно главным образом у русских, несмотря на то, что сам корень является общеславянским [12, т. 1, с. 175]. Это отражает и карта, на которой показаны ареалы распространения названий обрядов послесвадебья, имеющих «хлебную» мотивировку (рис. 3).

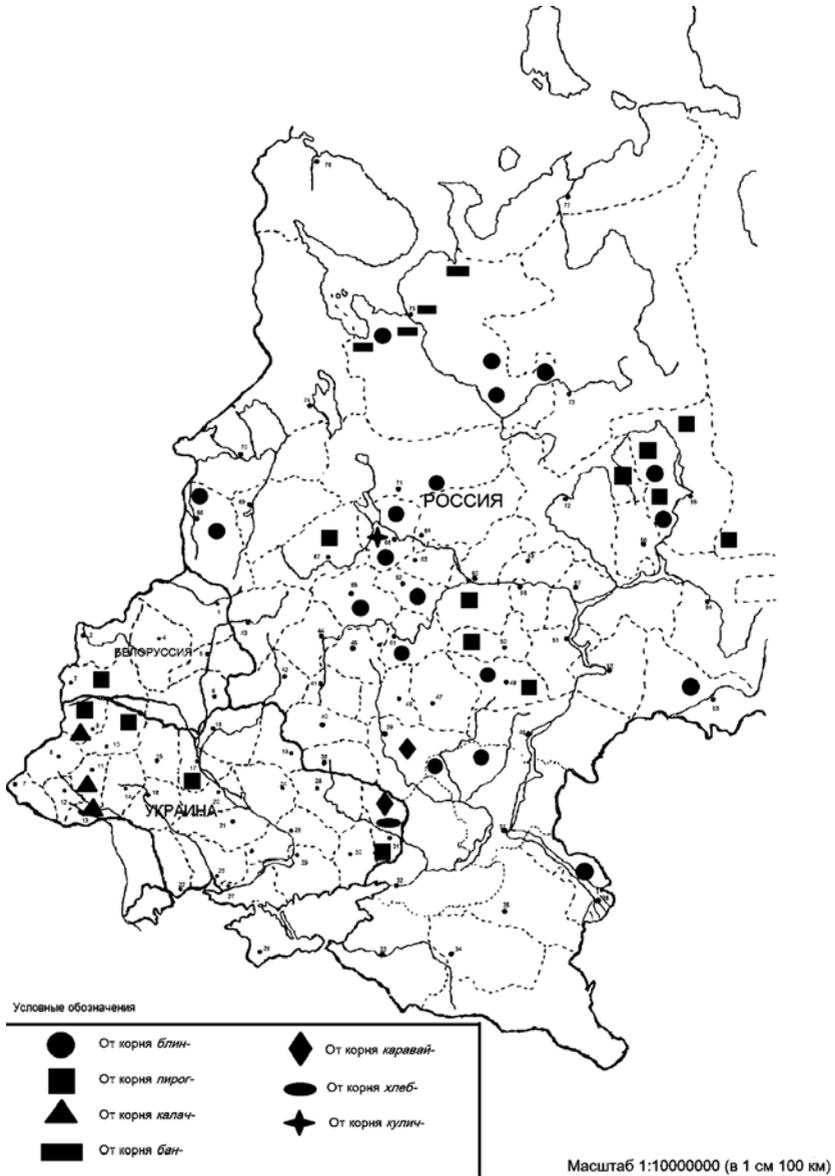

Рис. 3. Карта «Наименования обрядов и обрядовых действий послесвадебья, мотивированные названиями выпечки»

Основная символика блинов связана с представлением о смерти и о потустороннем мире (они являются поминальным блюдом, ими «кормят» покойника, блины дают нищим, убогим, тем, кто колядует) [9, т. 1, с. 193–194]. Поминальная функция блинов сыграла определенную роль в появлении обозначений ритуалов расставания с прежней долей, которые в основном связаны с невестой. Это не случайно, поскольку ее «переход» предполагал «умирание» в прежнем статусе и для своего рода. Например, в Ярославской области накануне свадьбы устраивался обед, называемый *блинки*, к которому обязательно пекли блины. Их клали стопкой, вырезали ямку и вливали туда масло. После этого угощения «хоронили» невесту, а она плакала и причитала [13, т. 1, с. 63]. Реже термином *блины* мотивированы обозначения аналогичных обрядов со стороны жениха. Например, в Луганской области зафиксирован термин *млинци* ‘обряд в доме жениха, во время которого он прощается с холостой жизнью’ [16].

Поминальная функция блинов может быть причиной того, что они практически никогда не выступают как главный свадебный хлеб, в то время как действия с ними после свадьбы распространены на всей европейской территории России (например, *зятьевы блины* [7, с. 23], *блинки* [13, т. 1, с. 63], *блины*, *блинный стол* [10, т. 3, с. 24–25] и т. д.). С этой символикой блинов также связано их употребление во время посещения невестой своих родственников после свадьбы. Существует мнение, что эти посещения на данном этапе обряда имеют ту же символику, что и поминание умершего, который приходит в гости к живым в определенные дни [2, с. 70].

Употребление блинов на второй день свадьбы служит обрядовой демонстрацией «честности» или «нечестности» невесты, когда по тому, как молодой ест блины, судили о том, сохранила ли невеста девственность до свадьбы (обозначения обрядовых действий: *блин продолбить*, *поздравлять с блинами* [10, т. 32, с. 123, 140]). Отметим

также, что культурная семантика блинов находит отражение в речевых формулах, обозначающих отказ стороне жениха в обряде сватовства (*дать блин, получить блин*) [3, с. 251].

Наименования обрядов, мотивированных термином *пирог*, распространены на всей восточнославянской территории. Значение 'выпеченное изделие из теста с начинкой' для данного слова характерно только для восточных славян. Обрядовые действия с пирогом совершаются на этапах предсвадебья, свадьбы и послесвадебья. Пирог может выступать в роли главного свадебного хлеба (например, в Томской области) [10, т. 27, с. 40]. Обрядовые действия с ним во время свадебного застолья обозначаются словосочетаниями *положить на пирог, бросать на пирог, кидать на пирог* (их можно сравнить с аналогичными выражениями, мотивированными термином *каравай*).

Как и блины, пирог обладает поминальной символикой, однако обрядовых действий с ним во время девичника практически не зафиксировано. Тогда как действия с пирогами на этапе послесвадебья и их обозначения через этот вид выпечки широко распространены на всей восточнославянской территории (см. рис. 3).

По-видимому, различия в символике характерных для свадебного обряда ритуальных действий с пирогом и блинами следует искать в поминальной обрядности. Употребление блинов ориентировано скорее «на мертвых», чем на живых: ими, как уже говорилось, «кормят» покойника, их раздают персонажам ритуала, которые осознаются как находящиеся на границе между мирами (странники, колядующие, убогие), блины могут служить оберегом от мертвых [9, т. 1, с. 194]. Ритуальные действия с пирогом, напротив, ориентированы на живых: им кормят участников обряда, раздают как поминальное блюдо, пирог с рыбой – обязательный атрибут поминального стола на Русском Севере [9, т. 4, с. 50]. Однако нередко символика пирогов и блинов в свадебном обряде является сходной, что подтверждается структур-

но-семантическим сходством наименований ритуальных действий, мотивированных названиями этих форм хлебной выпечки (например, *пирожный стол — блинный стол, блины — пироги, ехать на блины — идти на пирожки, невестин пирог — невестины блины*).

В западной Украине выделяется компактный ареал распространения названий обрядов послесвадебья, мотивированных термином *калач* (например, *колачини, колачиння* [15, т. 2, с. 267], *виспівувати калачі* [14, т. 1, с. 59]). Обозначение обрядовых действий послесвадебья через термин *калач* не является распространенным у восточных славян, однако ритуальные действия с хлебом в виде кольца с отверстием могут совершаться на различных этапах свадьбы. Это не случайно, поскольку калач, как и другие кольцевидные предметы, является символом бракосочетания, соединения жениха и невесты [6, с. 341–342]. Обрядовые действия с калачом на данной территории служат для укрепления родственных связей: молодые с ближайшими родственниками посещали родителей невесты и приносили с собой калачи [6, с. 343]. Можно отметить, что эту же символику имеет использование калачей на предсвадебном этапе: родители жениха приносят калач с собой на сватовство [5, с. 63], во время обеда перед свадьбой [11, с. 142]. Кроме того, обрядовые действия с калачом являются достаточно распространенными на украинской свадьбе [17, с. 129].

Таким образом, в основе «хлебной» мотивировки наименований обрядов может лежать разная символика при одинаковой мотивирующей основе. Причины этого лежат в особенностях самого хлеба как элемента предметного кода свадьбы. Его дарят, им обмениваются, скрепляют договор о браке, он служит для демонстрации «честности» невесты и ее умения вести хозяйство. В сознании носителей традиции с хлебом связана доля молодых, его разделение и раздача символизируют перераспределение этой доли в связи с пополнением сообщества женатых новыми членами. Такая символика присуща обрядовым

действиям разделения и раздачи свадебного хлеба. Поэтому не случайно то, что большинство «хлебных» названий этих обрядов, мотивировано именно термином *каравай*, который обозначает главный свадебный хлеб у большинства восточных славян (рис. 2).

Мотивированность обозначений обрядов второго дня названиями *блины* и *пирог* в свою очередь может объясняться не представлениями о свойствах хлеба в целом, а культурными смыслами, которые связаны с этими видами хлеба, прежде всего, поминальной символикой. На этапе послесвадебья она переосмысливается и передает «идею распада старых семейно-родственных связей и установления новых» [6, с. 61].

Литература

1. *Архангельский* областной словарь / под ред. О. Г. Гецовой / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. — Москва, 1980–2010. — Вып. 1–13.
2. *Байбурин А. К.* Похороны и свадьба / А. К. Байбурин, Г. А. Левинтон // Исследования в области балто-славянской духовной культуры : Погребальный обряд : сборник статей / Акад. наук СССР, Ин-т славяновед. и балканистики ; ред.: В. В. Иванов, Л. Г. Невская. — Москва : Наука, 1990. — С. 64–99.
3. *Березович Е. Л.* Язык и традиционная культура : Этнолингвистические исследования / Е. Л. Березович. — Москва : Индрик, 2007. — 600 с.
4. *Большой* толковый словарь донского казачества / Ростов. гос. ун-т ; Ф-т филологии и журналистики ; Каф общ. и сравнительн. языкознания. — Москва : Русские словари : Астрель : АСТ, 2003. — 608 с.
5. *Брысина Е. В.* Этнокультурная идиоматика донского казачества / Е. В. Брысина. — Волгоград : Перемена. — 293 с.
6. *Гура А. В.* Брак и свадьба в славянской народной культуре : Семантика и символика / А. В. Гура. — Москва : Индрик, 2012. — 936 с.
7. *Подюков И. А.* Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья / И. А. Подюков, С. В. Хоробрых, Д. А. Антипов. — Колье, Соликамск, Березники, Пермь : Пермское книжное издательство, 2004. — 360 с.
8. *Славянская* мифология : Энциклопедический словарь. — Москва : Эллис Лак, 1995. — 416 с.

9. *Славянские древности* : Этнолингвистический словарь : в 5 томах / под ред. Н. И. Толстого. — Москва : Международные отношения. — 1995—2009. — Т. 1—4.

10. *Словарь русских народных говоров* : в 44 т. / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова, С. А. Мызникова. — Москва; Ленинград. — 1965—2011. — Вып. 1—44.

11. *Тумилевич Ф. В.* Свадебный обряд казаков-некрасовцев / Ф. В. Тумилевич // Ученые записки. — Том XXXVI : Труды историко-филологического факультета. — Вып. 6. — Ростов-на-Дону, 1958. — С.129—158.

12. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / Макс Фасмер; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — Москва : Прогресс, 1986—1987. — Т. I—IV.

13. *Ярославский* областной словарь. — Ярославль : ЯГПИ им. К. Д. Ушинского. — 1981 — 1991. — Вып. 1—10.

14. *Аркушин Г. Л.* Словник західнополіських говірок : у 2 т. / Г. Л. Аркушин. — Луцьк: Ред.-вид. відд. «Вежа» Волин. держ. ун-ту ім. Лесі Українки, 2000. — Т. 1—2.

15. *Грінченко Б. Д.* Словник української мови : у 4 т. / Б. Д. Грінченко. — Київ, 1907—1909. — Т. I—IV.

16. *Магрицька І.* Словник весільної лексики українських східно-слобожанських говірок (Луганська область) [Електронний ресурс] / І. Магрицька. — Луганск : Знання, 2003. — 172 с. // Віртуальна Русь : Бібліотека. Режим доступа: <http://www.ruthenia.info/txt/magrytskai/slovyuk.html>.

17. *Плетнева О. Л.* Лінгвопрагматична семантика «круглості» в семіосфері українського весільного обряду / О. Л. Плетнева // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна № 843. — Сер. Філологія. — Випуск 55. — Харків, 2009. — С. 126—129.

© Гревцова Т. Е., 2012

Names of Ritual Bread as Motivating Basis of East Slavic Wedding Terms (Areal Aspect)

T. Grevtsova

The author studies the names of rituals and ritual acts of East Slavic wedding, motivated with names of wedding bakery. Ethnolinguistic maps devoted to names of rituals and ritual acts of a wedding feast and episodes after wedding allowed to draw conclusions on territorial distribution of the terms motivated with the names of bakery foods.

Key words: East Slavic wedding; ritual; ritual act; ritual bread; cultural term.

Гревцова Татьяна Евгеньевна, аспирант факультета филологии и журналистики, Южный федеральный университет, стажер-исследователь лаборатории филологии Института социально-экономических и гуманитарных исследований, Южный научный центр Российской академии наук (Ростов-на-Дону), grevcova@ssc-ras.ru.

Grevtsova, T., postgraduate student, Faculty of Philology and Journalism, Southern Federal University; assistant researcher, Institute of Social-economic and Humanitarian Research, Southern scientific centre of Russian academy of sciences (Rostov-on-Don), grevcova@ssc-ras.ru.